

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 342.4

doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-10-16

Павел Александрович Астафичев

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-6801-9822>, pavel-astafichev@rambler.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности

Аннотация: В статье рассматриваются процессы становления и развития института конституционной юстиции в России. Проводится анализ организации и деятельности Комитета конституционного контроля СССР, Конституционного Суда РСФСР и Конституционного Суда Российской Федерации.

Цель работы – исследование историко-правовых проблем зарождения в СССР и последующего развития органов конституционного надзора и контроля.

При организации исследования применялись методы: сравнительно-правовой (компаративистский), историко-правовой, аналитический, формально-юридический, метод абстрагирования, позволившие сформулировать основные выводы.

Автор доказывает, что конституционно-нормативная модель организации внесудебного конституционного надзора в СССР образца 1989 года трудноприменима к современной России, если иметь в виду федеральный уровень публичной власти. Действующий Конституционный Суд Российской Федерации выгодно отличается от своего институционального предшественника судебным статусом и компетенцией, которая охватывает весьма ограниченную часть конституционно-контрольной деятельности, что методологически верно и весьма перспективно. Вместе с тем историко-правовой опыт организации Комитета конституционного надзора СССР актуален и вызывает современный интерес ввиду ряда важных обстоятельств. Это касается использования института предварительного нормоконтроля и проблематики организации внесудебных органов конституционного или уставного контроля в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционный надзор, конституционный контроль, советский конституционализм, разделение властей, полномочия, конституционный процесс

Для цитирования: Астафичев П. А. Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 10–16; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-10-16.

Paul A. Astafichev

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-6801-9822>, pavel-astafichev@rambler.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Committee of Constitutional Supervision of the USSR in the state-legal history of Russia: the experience of legal regulation organizations and activities

Abstract: The article deals with the formation and development of the institution of constitutional justice in Russia. An analysis of the organization and activities of the Committee for Constitutional Control of the USSR, the Constitutional Court of the RSFSR and the Constitutional Court of the Russian Federation is carried out.

The purpose of the work is to study the historical and legal problems of the origin in the USSR and the subsequent development of constitutional supervisory and control bodies.

When organizing the study, methods were used: comparative legal (comparative), historical and legal, analytical, formal legal, method of abstraction, which allowed to formulate the main conclusions.

The author proves that the constitutional and normative model of organizing extrajudicial constitutional supervision in the USSR of the 1989 model is hardly applicable to modern Russia, if we mean the federal level of public authority. The current Constitutional Court of the Russian Federation favorably differs from its institutional predecessor in its judicial status and competence, which covers a very limited part of constitutional control activities, which is methodologically correct and very promising. At the same time, the historical and legal experience of organizing the USSR Constitutional Supervision Committee is relevant and arouses modern interest due to a number of important circumstances. This concerns the use of the institution of preliminary normative control and the problems of organizing extrajudicial bodies of constitutional or statutory control in the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: constitutional supervision, constitutional control, Soviet constitutionalism, separation of powers, powers, constitutional process

For citation: Astafichev P. A. Committee of Constitutional Supervision of the USSR in the state-legal history of Russia: the experience of legal regulation organizations and activities // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 10–16; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-10-16.

В современных условиях функционирования государственно-правовой системы России опыт правового регулирования организации и деятельности Комитета конституционного надзора СССР выглядит главным образом как историко-правовой [3, с. 35–63]. С учётом продолжительности функционирования Конституционного Суда РФ и наработанной им за это время конституционно-правоприменительной практики весьма сложно проводить какие-либо параллели, усматривать преемственность или аналогии. Комитет конституционного надзора СССР – *уникальный институт перестроечной эпохи* [2, с. 27–30], который *вряд ли* в имевшемся тогда виде *может рассчитывать на фундаментальную рецепцию* в государственно-правовой современности или в перспективе. Вместе с тем отдельные подходы к правовому регулиро-

ванию его организации и деятельности довольно примечательны [9, с. 28–40], во всяком случае для того, чтобы актуальная юридическая наука имела возможность систематизировать важные государственно-правовые тенденции, многие из которых сохраняют действие в настоящие дни.

Первый шаг к институционализации Комитета конституционного надзора СССР – принятие Закона СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР»¹. Данный нормативный правовой акт был нацелен на «развитие социалистической демократии и самоуправления народа, совершенствование избирательной си-

¹ См.: Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР : закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI // Ведомости Верховного Совета СССР (далее – ВВС СССР). – 1988. – № 49. – Ст. 727. – Утратил силу.

стемы, структуры и деятельности» органов государственной власти (преамбула). В связи с этим конституировался принцип единства системы органов народного представительства при «высшем» государственно-правовом статусе Съезда народных депутатов СССР. Последний уполномочивался на «принятие к своему рассмотрению» и на осуществление «решения любого вопроса», отнесённого к ведению СССР².

Казалось бы, данную конституционно-правовую конструкцию не следует квалифицировать как нормативную реализацию фундаментального в теории конституционализма принципа разделения властей. Однако анализ конституционно-правового положения и полномочий Комитета конституционного надзора СССР в сравнении со статусом советских органов народного представительства позволяет предположить обратное [4, с. 60]: публично-властный институт конституционного надзора (во всяком случае, в первоначальном нормативно-правовом виде в редакции Закона СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI) ограничивал полномочия Съезда и Советов до такой степени, что можно было говорить о весьма существенном разделении *представительной и конституционно-надзорной* ветвей власти.

Подчеркнём, что речь не шла, как сегодня, о разделении единой публичной власти на три самостоятельные ветви – *законодательную, исполнительную и судебную* (ст. 10 Конституции РФ). В сущности, Комитет конституционного надзора СССР с большим трудом можно было бы вообще отнести к одной из (указанных сегодня в ст. 10 Конституции РФ) ветвей власти, особенно к судебной. Но и органы народного представительства не позиционировались как законодательные субъекты, речь не шла о единстве системы исполнительной государственной власти. Полновластному и демократически организованному в единую систему народному представительству [8, с. 32–56] противопоставлялся централизованный внесудебный конституционный надзор. Именно так фактическое разделение властей трактовалось конституционным законодателем в конце 1988 г., что, однако, официально не утверждалось ввиду конституционного статуса Съезда народных депутатов СССР как единственного в стране «высшего» органа государственной власти. Если в государстве только один орган «высший», а все другие – «не высшие», принцип разделения властей в «классическом виде» конституционно не признаётся, хотя он может и частично действовать.

Анализ нормативного содержания Закона СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного

² См.: Буянов А. В. Съезд народных депутатов СССР в системе государственной власти Советского Союза: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Москва, 2009. – 25 с. – С. 8.

Закона) СССР» показывает, что первоначально организационно-правовые основы деятельности Комитета конституционного надзора СССР мыслились несколько иначе, чем это обозначилось позже, через год, после разработки проекта Закона СССР от 23 декабря 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР»³ [8, с. 32–56] и проекта Постановления Съезда народных депутатов СССР от 23 декабря 1989 г. «О порядке введения в действие Закона СССР “О конституционном надзоре в СССР”»⁴. Для реализации данных законоположений потребовался отдельный акт о конституционных поправках от 23 декабря 1989 г.⁵, который существенно отличался от норм Закона СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР».

Данное обстоятельство наглядно свидетельствует о методике законотворческой работы высших органов народного представительства в СССР, что в современной России наблюдается весьма редко. Сначала принимались конституционные поправки, которые очерчивали общие ориентиры будущей законопроектной работы. Затем, по мере появления текста законопроекта, обнаружилась неопределённость и фрагментарная дефектность конституционного регулирования, что потребовало корректировки норм Основного закона. В конечном итоге нормативно-правовая база для учреждения института конституционного надзора включала в себя три компонента различных уровней регулирования: во-первых, *конституционного*, во-вторых, *законодательного*, в-третьих, *подзаконного и организационно-правового*. Законодатель предпочёл метод «пакетного» [5, с. 8] внесения и принятия соответствующего комплекса нормативных правовых актов, чтобы они действовали в системном единстве и взаимной обусловленности.

В первой редакции Конституции СССР от 1988 г. было установлено, что Комитет конституционного надзора СССР избирается Съездом народных депутатов СССР сроком на 10 лет из числа специалистов в области политики и права в составе председателя, его заместителя и 21 члена в целях обеспечения представительства каждой из союзных республик. Комитету объявлялись поднадзорными «органы» (без конкретизации, какие именно); члены Комитета считались независимыми и подчиняющимися только Конституции СССР. Закон СССР от 23

³ См.: О конституционном надзоре в СССР : закон СССР от 23 декабря 1989 г. // ВВС СССР. – 1989. – № 29. – Ст. 572. – Утратил силу.

⁴ См.: О порядке введения в действие Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР : постановление Съезда народных депутатов СССР от 23 декабря 1989 г. // ВВС СССР. – 1989. – № 29. – Ст. 573. – Утратило силу.

⁵ См.: Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного Закона) СССР : закон СССР от 23 декабря 1989 г. № 974-1 // ВВС СССР. – 1989. – № 29. – Ст. 574. – Утратил силу.

декабря 1989 г. «Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного Закона) СССР» в целом сохранил указанные подходы, однако: во-первых, увеличил численность Комитета ещё на четыре единицы; во-вторых, исключил поднадзорность Комитету «органов» (ему поднадзорны «акты» соответствующих органов, но не сами «органы» и не их «деятельность»).

Обратим внимание, что в современной России судьи Конституционного Суда РФ назначаются Советом Федерации по представлению Президента РФ. Имеющие мандат прямого народного доверия депутаты Государственной Думы из данного процесса исключены. Однако Конституционный Суд РФ и судьи данного Суда не ограничены сроком в 10 лет. Суд действует бессрочно, судьи осуществляют полномочия до достижения возраста 70 лет, если прекращение их статуса не состоится ввиду добровольного волеизъявления либо экстраординарных обстоятельств, позволяющих лишить их полномочий в той же процедуре, что и назначение данных лиц (конституционные поправки от 2020 г.)⁶. Современные судьи Конституционного Суда РФ – это специалисты «в области права». Слово сочетание «специалист в области политики и права» в действующем конституционном регулировании не используется⁷.

Компетенция Комитета конституционного надзора СССР в редакции Конституции СССР от 1988 г. выглядела весьма широкой и по этой причине трудно реализуемой. Вероятно, здесь сыграли роль элементы концепции некоего «романтического конституционализма», который с течением времени неизбежно уступает место конституционализму «прагматическому». В анализируемый исторический период такой «переход» произошёл довольно быстро: «романтически» ориентированный нормативный материал, хотя формально и вступил в юридическую силу, на практике никогда не применялся ввиду отсутствия конкретизирующего закона. Конституционный законодатель находился в состоянии поиска, «не стесняясь» признавать свои прежние ошибки и упущения. Полагаем, что поправки к Конституции – не догма и не основание для блокирования будущих нормативно-правовых установлений. При необходимости Конституцию можно ещё раз изменить. Важно, чтобы законодательство Конституции не противоречило, и окончательная модель правового регулирования соответствовала критериям

разумности, приемлемости и рациональности, отвечала запросам времени и генеральным тенденциям развития страны на соответствующем историко-правовом этапе.

Согласно положениям Конституции СССР от 1988 г., к компетенции Комитета конституционного надзора СССР было отнесено производство «заключений о соответствии» и осуществление «наблюдения за соответствием» одних правовых актов другим. В этом, на наш взгляд, состояла основная суть модели конституционного надзора в редакции от 1988 года. Комитет *по собственной инициативе, по поручению Съезда народных депутатов и по предложениям других уполномоченных государственных органов* был вправе осуществлять нормоконтроль, который мог быть предварительным (проверка проектов) или последующим (тестирование действующих актов). Если Комитет «выявлял противоречие» – он должен был направить издавшему акт органу «заключение для устранения допущенного нарушения», что влекло за собой такую меру конституционно-процессуального пресечения, как приостановление действия соответствующего акта. Кроме того, Комитет наделялся полномочием «входить с представлением» на Съезд, в Верховный Совет и в Совет Министров СССР об отмене актов подотчётных им органов и должностных лиц.

Данное регулирование, по всей вероятности, опиралось на презумпцию некой «неопровержимости» [6, с. 68] правовой позиции Комитета конституционного надзора СССР по вопросу о противоречии оспариваемой нормы права установлениям правовых актов более высокой юридической силы. Квалифицированный нами выше «романтический конституционализм» проявлялся главным образом в том, что «противоречие» одних правовых актов другим трактовалось в 1988 году как нечто совершенно чрезвычайное и подлежащее вследствие этого немедленному устранению. Советское «правоведение» было во многом «законоведением» [7, с. 42–45] или даже «нормоведением». Считалось, что закон закону противоречить не может, а на страже противодействия этому стоит эффективная и безошибочная государственная машина. В Советской стране правовые акты могут представлять только единую и внутренне согласованную регулирующую систему; иного, якобы, быть вообще не может.

Нетрудно заметить, что практика конституционного надзора быстро показала, какая в действительности фундаментальная политическая власть сосредоточена в одном лишь полномочии осуществления нормоконтроля. Общественно-политическая жизнь противоречива, она питается конкурирующими и взаимоисключающими интересами субъектов правоотношений. Всякий более или менее значимый публич-

⁶ См.: О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

⁷ См.: О Конституционном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447; 2021. – № 27. – Ст. 5045.

ный или частный интерес при желании можно облечь в правовую форму обнаружившегося противоречия между подлежащей применению нормой и установлениями актов более высокой юридической силы, особенно если в конституционно-правоприменительной деятельности опираться на такие критерии тестирования, как справедливость, разумность, достаточность, сдержанность, правовая определённость и т. п.

Из этого следовала *институциональная бесперспективность модели конституционного надзора с расширенными конституционными полномочиями*. Первый паттерн позднесоветского конституционного надзора от 1988 года во многом базировался на методологии прокурорской деятельности⁸, что трудно применимо к политическим отношениям и взаимоотношениям высших органов власти в стране, учитывая, что на данном историческом этапе активно развивались такие конституционные принципы, как политический плюрализм, многопартийность, гласность, критика, альтернативные выборы и демократическая сменяемость публичной власти [1, с. 90–106].

В связи с этим обратим внимание, как именно конституционный законодатель сформулировал полномочия Комитета конституционного надзора СССР в редакции законодательства от 1988 года. Во-первых, он был вправе давать заключения о соответствии проектов законов СССР Конституции. Такое заключение подлежало представлению Съезду, оно могло осуществляться по собственной инициативе и по поручению Съезда. Во-вторых, к компетенции Комитета относилась дача заключений о соответствии *актов и проектов актов* Верховного Совета и его палат (Совета Союза и Совета Национальностей) Конституции и законам, принятым Съездом. Это было возможно по собственной инициативе, по поручению Съезда и по предложениям Верховного Совета или высших органов государственной власти союзных республик. В-третьих, Комитет был уполномочен наблюдать за соответствием Конституции СССР и законам СССР *конституций и законов союзных республик, актов* Совета Министров СССР и советов министров союзных республик. В-четвертых, Комитет мог давать заключения о соответствии Конституции СССР и законам СССР *актов других государственных органов и общественных организаций*. Анализ данных полномочий позволяет квалифицировать статус Комитета конституционного надзора СССР (в нормативно-правовой модели от 1988 года) как своего рода *коллегиально организованную*

федеральную конституционную прокуратуру, которая к тому же в своей компетенции *конкурировала с прокурорским надзором и отчасти поглощала его*. Указанные дефекты правового регулирования были устранены пакетом законопроектов от 1989 года.

Согласно конституционным и законодательным установлениям от 1989 года, Комитет конституционного надзора СССР обладал следующей компетенцией. Во-первых, он уполномочивался по поручению Съезда давать заключения о соответствии Конституции СССР проектов законов СССР и иных актов, внесённых на рассмотрение Съезда. По сравнению с предыдущей редакцией здесь исключалась собственная инициатива Комитета (об этом будет сказано ниже), но круг проверяемых проектов был расширен (проверке могли подлежать не только проекты законов, но вообще любые проекты актов, которые внесены на рассмотрение Съезда. Это – *предварительный конституционный контроль* проектов актов Съезда народных депутатов СССР, осуществляемый по инициативе Съезда и представляемый Съезду.

Во-вторых, к компетенции Комитета конституционного надзора было отнесено новое (по сравнению с 1988 годом) полномочие – проверка соответствия Конституции СССР законов СССР и иных актов, принимаемых Съездом. Это – *последующий конституционный контроль* действующих, уже принятых актов Съезда. Инициировать надзорное производство были вправе депутаты численностью не менее одной трети, Председатель Верховного Совета СССР и высшие органы государственной власти союзных республик.

В-третьих, конституционный законодатель упразднил весьма абстрактный институт «наблюдения за соответствием» от 1988 года, заменив его стандартным правом дачи «заключения о соответствии» Конституции СССР конституций союзных республик, а также о соответствии Конституции СССР и законам СССР законов союзных республик. Это – не только институт *последующего конституционного контроля* (проверялись действующие акты). Его можно было бы квалифицировать одновременно и как форму *федеральной интервенции*, и как способ *внеконституционного надзора*. Федеральное вмешательство наблюдалось вследствие проверки действующих актов союзных республик на предмет соответствия *федеральным* правовым актам. Внеконституционный надзор осуществлялся в части проверки соответствия законов союзных республик не только Конституции СССР, но и законам СССР (в сущности, прокурорская функция). Соответствующее заключение должно было направляться Съезду народных депутатов СССР и могло осуществляться по инициативе Съезда («поручение»), Верхов-

⁸ См.: Смольников С. Б. Конституционно-правовой статус прокурорской (надзорной) власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 8.

ного Совета СССР, Президиума Верховного Совета СССР и высших органов государственной власти союзных республик («предложения»).

В связи с этим полагаем странным и труднообъяснимым, по каким причинам конституционный законодатель именно таким образом варьировал круг субъектов права инициативы производства в Комитете конституционного надзора СССР. Почему, например, Председатель Верховного Совета СССР обладал правом возбуждения инициативы о проверке конституционности законов СССР и иных актов Съезда, но таким правом не обладал Президиум Верховного Совета СССР. В свою очередь, не вполне логичным видится наделение Президиума Верховного Совета СССР правом возбуждения инициативы производства о проверке на соответствие Конституции СССР конституций союзных республик, в то время как Председатель Верховного Совета СССР данным правом не обладал.

В-четвертых, Комитет конституционного надзора СССР наделялся компетенцией дачи заключения о соответствии Конституции СССР и законам, принятым Съездом народных депутатов СССР, актов и проектов актов Верховного Совета и его палат; о соответствии Конституции СССР и законам СССР актов Совета Министров, международных обязательств СССР и союзных республик. Квалифицировать данные законоположения можно следующим образом. Проверка актов и проектов актов Верховного Совета и его палат – это совмещение предварительного и последующего нормоконтроля, который был не только конституционным, но и внеконституционным. Конституционный правопорядок образца 1989 года дифференцировал два вида законов СССР – принимаемых Съездом и Верховным Советом. В случае проверки Комитетом актов и проектов актов Верховного Совета и его палат (Совета Союза и Совета национальностей), учёту подлежали нормы не только Конституции СССР, но и законов СССР, но которые были приняты именно Съездом (не Верховным Советом). Что же касается проверки актов Совета Министров и международных обязательств СССР и союзных республик – наблюдался последующий нормоконтроль (проекты актов надзору не подлежали), причем проверялось их соответствие Конституции СССР и законам СССР вне зависимости от того, кем последние были приняты (Съездом или Верховным Советом). Правом инициативы производства в Комитете конституционного надзора обладали Съезд («поручение»), не менее одной пятой членов Верховного Совета СССР (т. е. не всех народных депутатов СССР), Председатель Верховного Совета СССР и высшие органы государственной власти союзных республик («предложения»).

Наконец, в-пятых, компетенцию Комитета конституционного надзора СССР составляла

дача заключения о соответствии Конституции СССР и законам СССР «нормативных правовых актов других государственных органов и общественных организаций, если в данной сфере не осуществляется прокурорский надзор. Правом инициативы здесь пользовался весьма широкий круг лиц.

Что касается инициативы Комитета конституционного надзора, она формулировалась следующим образом. Он был вправе самостоятельно возбуждать производство исключительно в порядке последующего нормоконтроля (проекты актов проверялись по внешним запросам). Такой контроль был возможен в отношении актов «высших органов государственной власти и управления СССР», а также «других органов, которые образуются или избираются» Съездом или Верховным Советом СССР. Комитет конституционного надзора СССР не проверял, как сейчас это делает Конституционный Суд РФ, законы на предмет их соответствия Конституции по запросам судов и по жалобам граждан.

Пакет поправок от 1989 года усовершенствовал также конституционное регулирование процедуры конституционного надзора, наделив Съезд народных депутатов СССР правом (квалифицированным большинством голосов в две трети) отклонять заключения Комитета конституционного надзора СССР. Во всех остальных случаях они подлежали обязательному исполнению, но ввиду волеизъявления соответствующих органов, не Комитета. На каждый орган по получению заключения Комитета конституционного надзора СССР возлагалась обязанность привести оспариваемый акт в соответствие с правовыми актами более высокой юридической силы. Если несоответствие не устранялось, Комитет был вправе выходить с соответствующими представлениями на Съезд, в Верховный Совет и в Совет Министров СССР.

На основании изложенного можно сформулировать следующие обобщения и выводы. Конституционно-нормативная модель организации внесудебного конституционного надзора в СССР образца 1989 года трудно применима к современной России, если иметь в виду федеральный уровень публичной власти. Действующий Конституционный Суд РФ выгодно отличается от своего институционального предшественника судебным статусом и компетенцией, которая охватывает весьма ограниченную часть конституционно-контрольной деятельности, что методологически верно и весьма перспективно (главным образом – это проверка законов на предмет соответствия Конституции РФ, хотя по запросам ряда уполномоченных государственных органов проверке могут подлежать и некоторые подзаконные правовые акты). Конституционный Суд России не контролирует

саму по себе законность, его сфера – обеспечение действия Конституции РФ как особого нормативного правового акта. Реализация законности – задача других судов во главе с Верховным Судом РФ и централизованно организованной прокуратуры России.

Вместе с тем историко-правовой опыт организации Комитета конституционного надзора СССР актуален и вызывает современный интерес ввиду ряда важных обстоятельств. Это касается, во-первых, использования института предварительного нормоконтроля (в России он

возобновился вследствие конституционных поправок от 2020 года), во-вторых, проблематики организации внесудебных органов конституционного или уставного контроля в субъектах РФ. Вследствие упразднения конституционной (уставной) юстиции в регионах вполне востребованными могут оказаться конституционные (уставные) советы. При регулировании их статуса и организации деятельности некоторым образцом или ориентиром могут послужить соответствующие акты конституционного законодательства СССР от 1988 и 1999 годов.

Список литературы

1. Волгин Е. И. Демонтаж однопартийной системы в СССР: политические и правовые аспекты // Вестник Московского университета. Серия: История. – 2016. – № 5. – С. 90–106.
2. Макаров А. В., Марков А. А. Комитет конституционного надзора СССР как первый опыт создания органа конституционной юрисдикции // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 12. – С. 27–30.
3. Митюков М. А., Остапович И. Ю. Предтеча конституционного правосудия на постсоветском пространстве: к историографии Комитета конституционного надзора СССР (1988–1991) // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 35–63.
4. Савоськин А. В. Реализация принципа разделения властей в деятельности высших представительных органов СССР периода 1989–1991 гг. // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2005. – № 2. – С. 60–64.
5. Слижевский О. Пакетный принцип подготовки проектов нормативных правовых актов: преимущества и подходы к реализации // Юстиция Беларуси. – 2018. – № 3. – С. 8–10.
6. Сухецакая К. А. Неопровержимость судебного акта и её пределы при установлении требований в деле о банкротстве // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. – 2020. – № 4. – С. 68.
7. Хбликян Е. А. Законоведение в контексте эволюции правового знания и место в ней концепции общей теории права Н. М. Коркунова // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 12. – С. 42–45.
8. Шульженко Ю. Л. Исследование проблем парламентаризма в советский период // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 32–56.
9. Шульженко Ю. Л. Комитет конституционного надзора СССР – специализированный орган по правовой охране Основного Закона СССР // Конституционная реформа в СССР: актуальные проблемы. – Москва: Изд-во ИГиП АН СССР, 1990. – С. 28–39.
10. Таскаев Н. Н., Олейник А. Д. Конституционная юстиция в России: история и современность // Baikal Research Journal. – 2019. – № 1 [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-yustitsiya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 03.10.2022).

References

1. Volgin Ye. I. Demontazh odnopartiynoy sistemy v SSSR: politicheskiye i pravovyye aspekty // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. – 2016. – № 5. – S. 90–106.
2. Makarov A. V., Markov A. A. Komitet konstitutsionnogo nadzora SSSR kak pervyy opyt sozdaniya organa konstitutsionnoy yurisdiksiy // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. – 2019. – № 12. – S. 27–30.
3. Mityukov M. A., Ostapovich I. Yu. Predtecha konstitutsionnogo pravosudiviya na postsovetском prostranstve: k istoriografii Komiteta konstitutsionnogo nadzora SSSR (1988–1991) // Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal. – 2020. – № 2. – S. 35–63.
4. Savos'kin A. V. Realizatsiya printsipa razdeleniya vlastey v deyatelnosti vysshikh predstavitel'nykh organov SSSR perioda 1989–1991 gg. // Pravookhranitel'nyye organy: teoriya i praktika. – 2005. – № 2. – S. 60–64.
5. Slizhevskiy O. Paketnyy printsip podgotovki proyektov normativnykh pravovykh aktov: preimushchestva i podkhody k realizatsii // Yustitsiya Belarusi. – 2018. – № 3. – S. 8–10.
6. Sukhetskaya K. A. Neoproverzhimost' sudebnogo akta i yeye predely pri ustanovlenii trebovaniy v dele o bankrotstve // Ekonomicheskoye pravosudiviye na Dal'nem Vostoke Rossii. – 2020. – № 4. – S. 68.
7. Khblikyan Ye. A. Zakonovedeniye v kontekste evolyutsii pravovogo znaniya i mesto v ney kontseptsii obshchey teorii prava N. M. Korkunova // Agrarnoye i zemel'noye pravo. – 2015. – № 12. – S. 42–45.
8. Shul'zhenko Yu. L. Issledovaniye problem parlamentarizma v sovetskiy period // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2017. – T. 12. – № 2. – S. 32–56.
9. Shul'zhenko Yu. L. Komitet konstitutsionnogo nadzora SSSR – spetsializirovannyy organ po pravovoy okhrane Osnovnogo Zakona SSSR // Konstitutsionnaya reforma v SSSR: aktual'nyye problemy. – Moskva: Izd-vo IGiP AN SSSR, 1990. – S. 28–39.
10. Taskayev N. N., Oleynik A. D. Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossii: istoriya i sovremennost' // Baikal Research Journal. – 2019. – № 1 [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-yustitsiya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (data obrashcheniya: 03.10.2022).

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 06.12.2022.

The article was submitted September 5, 2022; approved after reviewing December 2, 2022; accepted for publication December 6, 2022.